

Юрий Бубнов

Российской академии наук

Исторические предпосылки взяточничества

Historical background of bribery

Key words: *History, bribery*

То, что мы сегодня называем взяточничеством, довольно долго в человеческой истории представляло собой один из основных способов взаимодействия людей. В догосударственную эпоху обмен дарами в любом сочетании: дар на дар или дар за услугу, дар за покорность или за защиту, за искомое действие или выгодное бездействие составлял суть возмездного взаимоотношения людей. Даже богам наши предки, как, впрочем, и наши верующие современники, делали и продолжают делать подношения, предваряя ими свои просьбы о прощении или благодеянии. Такой возмездный обмен дарами между отдельными людьми и целыми народами представлял собой способ самоорганизации и составлял несущую конструкцию модели нетоварной экономики и социального взаимодействия первобытного общества. Дарами скреплялись отношения родства, братства, вассальной зависимости и господства. Причём вассал, поднося дары своему господину в знак своей преданности, мог рассчитывать на ответные дары, порою,

превышающие по материальной ценности свои подношения, как это практиковалось, например, в Древнем Китае. Зачастую дар в большей степени характеризовал не столько того, кому он подносился, сколько щедрость и благородство самого дарителя.

Социально значимой проблема взяточничества стала в связи и по мере укрепления централизованного государства. Причём характер взаимосвязи между степенью централизации государства и распространением взяточничества представляет особый интерес. Дело в том, что одной из прокламируемых причин усиления централизованного характера государства зачастую называлась как раз борьба со злоупотреблениями богатых и сильных против бедных и убогих. Однако одним из неизбежных результатов такой борьбы всегда оказывалось лишь усиление всевластия чиновничества и усугубление их злоупотреблений. Об этом свидетельствуют многочисленные факты мировой и отечественной истории. Например, в древнейшей на Земле письменной истории Шумерского государства явственно просматривается такая закономерность. Так, однажды в XXIV веке до нашей эры жители шумерского города-государства Лагаша восстали, возмущённые произволом чиновников, которые нещадно повышали налоги, вводили бесчисленные новые подати и даже посягали на собственность храмов. Воцарившийся в результате успешного восстания новый правитель Урукагана гордо сообщил на нетленных глиняных табличках, что он принёс правосудие и свободу многострадальным гражданам, расправился с ненасытными и жестокими чиновниками, положил конец несправедливостям, защитил сирот и вдов. Однако через 400 лет всё, похоже, вернулось на стези своя, поскольку основатель следующей царственной династии Ур-Намму был вынужден с новой силой бороться с вымогателями и взяточниками, *захватывающими быков, овец и ослов у граждан* [Крамер, 1991: 63], для чего и создал самый древний из известных на Земле письменный свод законов. Во

вступительной части этого свода законов Ур-Намму высокопарно говорит о том, что именно он избавил народ от злоупотреблений чиновников, урегулировал систему мер и весов, позаботился о вдовах, сиротах и бедняках, запретив обманывать и обижать их. Но прошло ещё 200 лет, и уже следующий правитель Шумерского царства Липит-Иштар в собственном своде законов похвалялся тем, что только он установил на земле правосудие и устранил всякий повод для жалоб на вымогателей [Крамер, 1991: 115]. Стоит ли говорить о том, что и все последующие века, вплоть до самого последнего времени продолжается неустанная борьба высших государственных лиц против произвола своих же служащих. Исход этой бесконечной борьбы, несмотря на масштабность и видимую суровость мер, складывается далеко не в пользу радетелей антикоррупционной чистоты чиновничьих нравов. Очевидная парадоксальность ситуации легко разгадывается, стоит лишь вспомнить о том, что главными борцами с коррупцией издревле и до сих пор оставались сами чиновники. В лучшем случае *хорошие* чиновники боролись против *плохих* своих собратьев по бюрократическому цеху. Чаше же борьба государства с коррупцией напоминает танец борющихся нанайцев, исполняемый одним ловким танцором. И чем больше прав и полномочий оказывалось волею монарха или законодателя у *хороших парней*, призванных бороться с порчей в своих рядах, тем быстрее они сами превращались в злостных взяточников. Немало примеров тому мы найдём и в истории российской борьбы с коррупцией.

Истари на Руси различали многообразные формы взяточничества, что уже само по себе свидетельствует о широкой распространённости коррупционной практики в российском обществе. В народном сознании эта практика закрепились в виде коррупционно ориентированных пословиц и поговорок: *казённая палата от мужиков богата, перед богом ставь свечку, перед судьёю – мешок, не*

подмажешь – не поедешь, золотой ключик любые двери откроет, возьми на калачи, да только с делом не волочи, ты – мне, я – тебе, руки для того, чтобы брать, люди ссорятся, а воеводы кормятся, дьяк у места, что кошка у теста [Аникина, 1985: 351-352] и многих других, большая часть из которых актуальна по сию пору. В Толковом словаре живого великорусского языка взятка имеет немало синонимов, свидетельствующих о развитости корыстных взаимоотношений *государевых людей* и простых граждан. Там взятка трактуется как *срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пешкеш, бакшиш, хабар, магарыч, плата или подарок должностному лицу во избежание стеснений или подкуп его на незаконное дело* [Даль, 1989-1991: 197]. Ниже мы убедимся в том, что это далеко не полный список синонимов взяточничества.

Стоит обратить внимание на обилие терминов, обозначающих действия, ныне подпадающие под понятие *взятка*, явно восточного происхождения. Очевидно, что это обусловлено влиянием татаро-монгольского владычества на Руси. Монголы если и не выполняли на славянских землях прямых административных функций, то уж во всяком случае, активно торговали правами местных правителей на княжение. Успех того или иного претендента на власть, как правило, определялся количеством и качеством привезённых им подарков. Получившие ярлык на княжение местные правители, разумеется, распространяли этот принцип и на подначальное население. Постепенно такой порядок стал всеобщим на славянских землях и вошёл в базовые структуры социо-нормативной системы российского общества.

Косвенным свидетельством татаро-монгольского влияния на распространение того, что мы сегодня называем коррупционными отношениями, является то, что термины, синонимичные понятию *взятка*, упоминаются в русских летописях с XIV века, когда уже успели укорениться в общественной практике нормы, привнесённые

восточными завоевателями. Однако возмездные отношения на русских землях существовали задолго до каких бы то ни было завоевателей, составляя первичную форму экономических отношений в примитивном обществе. Поэтому винить татаро-монголов можно разве что в привнесении практики купли-продажи ярлыков – права на княжение теми или иными русскими княжествами, когда взятки в виде подарков стали основным условием получения власти князьями.

В социальной практике наших далёких предков использовались различные формы обменных операций материальных ценностей на статусы, льготы и привилегии, получаемые от власть предержащих и их подручных. Понятием, синонимичным мздоимству, тогда была почесть. «Почесть» не была напрямую связана с каким-либо конкретным обязательством начальника. Она подносилась для-ради уважения к *большому* человеку, дабы тот не обиделся и сам, в свою очередь, не обидел при случае. Потенциальные челобитчики пользовались любым поводом для подношения *почести*: престольным праздником, именинами *начального* человека. На этом этапе мздоимных отношений ценилась не столько сама вещь, сколько оказание внимания, *чести* служилому человеку. Поэтому в качестве *почести* подносились вещи, как правило, не обладавшие большой материальной стоимостью. Чаще всего ограничивались съестным набором, привычным для тогдашнего обывателя: пирогами, калачами, рыбой, винами и прочей снедью. Лучшим подарком *нужному человеку*, как и сейчас, были духовные ценности. Особенно ценились подношения от монастырских монахов, которые также были не прочь задобрить мирских правителей иконами, церковными книгами, утварью, посудой. Почесть не считалась взяткой в современном смысле этого слова и поэтому не была предосудительна. Напротив, игнорирование, к примеру, именин любого более-менее значимого представителя государства вызывало

не только обиду самого именинника, но и моральное осуждение всего социального окружения невежи. *Почеть* практикуется нашими современниками и по сей день, хотя они свои подношения так и не называют. По результатам опроса 594 взрослых жителей Могилёвщины, проведённого в 2003 году Могилёвским институтом региональных социально-политических исследований, 8,1% наших земляков одаривают чиновников в связи с какими-нибудь личными или общественными праздниками не за какие-то их непосредственные услуги, а просто так, для поддержания хороших отношений впрок. При этом, правда, не стоит упускать из виду, что вовремя поднесённый подарок влиятельному человеку со временем, как правило, окупался сторицей его вниманием к нуждам дарителя. Этот принцип сегодня так же безотказно работает, как и много веков назад.

Не считалось в те времена взяткой и то, что приказным приносили челобитчики за конкретную работу по оформлению документов. По аналогии с нынешними временами, такая форма возмездных отношений соответствует платным услугам в бюджетных организациях и учреждениях. Довольно продолжительное время эти доходы служилого люда официально учитывались властями, которые даже стремились уменьшить жалование, если в приказе было много дел, но, порою, и, наоборот, повышали его в случае их скудости. Плата за ведение дел могла в 5-10 раз превышать размер официального жалования чиновника. Бюджетные финансовые трудности на Руси в середине XVII века привели к тому, что каждый четвёртый государев человек перестал получать жалование вообще [Куракин, 2002: 39], живя исключительно за счёт подношений, Ясно, что в этих тяжёлых материальных условиях вся надежда у служилых людей оставалась только на просителей, которые, радея о собственных интересах, способствовали благосостоянию государева сословия. При этом никого не могла удивить прямая зависимость

между скоростью прохождения дела через многочисленные уже тогда бюрократические препоны и величиной подношения просителя. В тамошних условиях это была плата за работу чиновного человека, связанная с оформлением им конкретных дел просителей.

По понятиям допетровской Руси, собственно взятками в современном смысле этого слова были только *посулы* [Демидова, 1987: 141-146], которые, как правило, имели значительную материальную ценность, чем и окупали риски чиновников за нарушение закона. Впервые понятие *посул* употребляется в смысле взятки, начиная с Псковской Судной грамоты 1397 года [Куракин, 2002: 35-48]. Посул давался за конкретное дело, которое чиновник обещал исполнить, невзирая на закон. Такой рисковый взяточник именовался лихоимцем. Именно с посулами и повело борьбу российское государство. Причины неприятия посулов центральными властями понятны. Они объективно переориентируют чиновников с государевых установлений на частные гражданские интересы, с чем центральная власть согласиться, конечно же, не могла. Разнообразные формы взяточничества, обеспечивающие *кормление* служилого люда, делали его материально зависимым от подопечного населения. А это входило в противоречие с интересами центрального правительства, всё больше нуждающегося в безукоризненно работающем чиновничьем аппарате. Чем более централизованным становилось российское государство, тем в большей степени оно испытывало потребность в зависимом только от него административном аппарате. Поэтому тяготеющие к самодержавию российские государи стали предпринимать всё больше усилий для того, чтобы избавить чиновничество хотя бы от наиболее коррупционных форм экономической зависимости от частных лиц.

Первое на Руси законодательное ограничение взяточничества в государственном аппарате принадлежит Ивану III. Его внук – Иван Грозный впервые *de-facto* ввёл смертную казнь за чрезмерные

взятки. Он приказал казнить дьяка, принявшего в качестве посула начинённого монетами жареного гуся [Куракин, 2002: 37]. Алчность дьяка явно превысила пределы дозволенного обычая, за что тот и поплатился головой. Действия Ивана Грозного отличались аффективной противоречивостью как в частных, так и в государственных делах. Однако в его спорадических поступках отразилась общая тенденция, характерная для российской государственности того времени. Эта тенденция, в реализации которой он, в конце концов, объективно добился немалых успехов, выразилась в дальнейшей административной централизации всей общественной жизни в стране. Правда, практическое осуществление основной административной идеи Ивана Грозного в виде опричнины привела к омертвлению гражданской жизни в стране и вымиранию целых волостей. Да и *смуту* начала XVII века, когда объектом коррупции стала сама царская власть, многие историки считают закономерным *эхом* административного *перегиба* Ивана Грозного. Для нас важно зафиксировать усиление при Иване Грозном влияния чиновничества в ходе централизации государственной власти и повышение в связи с этим коррупционных рисков.

Век спустя, Пётр Великий завершил дело административной централизации Руси. Правда, сделал он это на принципиально новой основе. Не по-восточному, а, правда, только косметически, – на западный, европейский манер. В интересующем нас контексте это означало официальный запрет *кормления* служилых людей от своих дел. В 1714 году Пётр издаёт Указ *О воспрещении взяток и посулов*, которым было отменено поместное обеспечение чиновников и повышено их денежное содержание. Тем самым царь попытался ликвидировать коррупционную зависимость чиновничества от местного населения и поставить его под собственный экономический контроль. При этом он прекрасно понимал, что даже повышенное жалование не могло полностью компенсировать коррупционные

доходы чиновничьего сословия, монополю отпавлявшего административные функции. Монополия, как известно, всегда приносит сверхдоходы. И никакое государственное жалование не в состоянии компенсировать преимущества монополии. Поэтому царь Пётр одной рукой давал своим чиновникам повышенное жалование, а второй – ввёл беспрецедентный механизм контроля над деятельностью должностных лиц. Он учредил своим Указом должность фискалов, которые от имени государя негласно надзирали над чиновным людом. Деятельность тайных надзирателей и доносчиков поощрялась материально в размере каждого четвёртого рубля от штрафов за раскрытые взятки. А сами они были законодательно защищены от наказания даже за ложные доносы. Великий царь-реформатор подключил к борьбе с взяточничеством даже простой люду. Это был один из первых примеров внесловного законодательства, доселе немислимый в разделённом сословными привилегиями обществе. Царь Пётр разрешил всем своим подданным, независимо от чина, доносить лично ему о лихоимстве чиновников. Информатор за справедливый донос получал *богатство того преступника, движимое и недвижимое...* [Куракин, 2002: 40]. Подобных по радикальности мер в борьбе с коррупцией не знала не только предыдущая, но и вся последующая история Российского государства. Однако, невзирая на эти строжайшие Указы (а, скорее всего, благодаря им), эпоха Петра славна не только военными победами, но и небывалым расцветом коррупции. Абсолютным рекордсменом по взяточничеству стал ближайший сподвижник монарха-антикоррупционера – светлейший князь А.Д. Меншиков, который сумел сколотить состояние, в три раза превышавшее бюджет всей Российской Империи [Куракин, 2002: 40]. После смерти Петра I у опального князя было изъято 4 млн. наличной монетой, 9 миллионов рублей, вложенных в банки Голландии и Англии, бриллиантов и драгоценностей на 1 млн. рублей. Кроме того, у

Меньшикова было конфисковано 90 тыс. крестьянских душ и отобрано 8 городов, полученных им незаконно. Надо полагать, ближайший сподвижник Петра Великого был его правой рукой и в борьбе с взяточничеством. История не сохранила достоверных данных относительно прироста имущества фискалов в период отправления ими своих антикоррупционных функций. Но вряд ли стоит сомневаться в том, что оно прирастало не только из официальных источников. Большие полномочия, как правило, дороже и продаются. Не случайно после смерти Петра в 1726 году фискалитет был отменён по причине, как бы мы сейчас сказали контрпродуктивности. Более того, в 1727 году нехватка средств заставила правительство вернуться к прежней системе материального обеспечения чиновничества, предусматривающей работу канцелярских служащих в городах без жалования с позволением *брать акциденцию от дел*. Этим актом фактически была восстановлена система средневекового *кормления* служилых людей от просителей. Лишь в начале 60-х годов XVIII века это правило было формально отменено окончательно. Однако сама социальная практика, укоренившаяся в народной традиции ходить к *начальному человеку* не с пустыми руками, осталась и до сих пор, в чём мы ещё успеем убедиться на материалах социологических опросов наших современников. А пока вернёмся к перипетиям вечной борьбы российского государства с взятками в чиновничьей среде.

Один из самых просвещённых и прогрессивных правителей России Александр I в погоне за европейской чиновничьей неподкупностью издал специальный антикоррупционный Указ *О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам*. Однако, несмотря на строгий указ царя, взяточничество среди государственных служащих продолжало расцветать пышным цветом. В царствование Николая Первого чиновничество обирало население и казну с не меньшим размахом, чем их коллеги из века XVIII, в связи

с чем Сенат по воле императора в 1832 году издал очередной суровый Указ *О воспреещении начальствующим лицам принимать приношения от общества*. О том, насколько начальствующие лица испугались указа строгого царя, не случайно прозванного Палкиным, свидетельствует тот факт, что уже в 1845 году возникла настоятельная потребность включить в новом Уложении *О наказаниях уголовных и исправительных* специальную главу *О мздоимстве и лихоимстве*. Согласно этому Уложению, под *мздоимством* понималось получение государственным служащим имущественной выгоды от частных лиц в виде денег, ценных бумаг, вещей и т.п. за действие или бездействие в интересах взяткодателей, но без нарушения чиновниками их служебных обязанностей. **Лихоимство** трактовалось как принятие служащими каких-либо даров от посетителей для решения того или иного дела в их пользу с нарушением законов и норм государственной службы. В соответствии с Уложением Николая Первого, мздоимство наказывалось штрафом в сумме двойной цены подарка или снятием с должности. Лихоимство же квалифицировалось как злоупотребление властью и наказывалось в уголовном порядке [Мельников, Нечипоренко, 2000: 125]. Насколько мы понимаем, Уложение Николая Первого впервые в юридических терминах квалифицировало мздоимство как особый повод для административного преследования и определило для него конкретные меры наказания, отличающиеся от санкций за другую разновидность взяточничества – лихоимство. Такая дифференциация позволила юридически вывести мздоимство из сферы традиционной повседневности в разряд правонарушения.

Впрочем, правовые новации юристов никак не сказались на социальной практике мздоимства, тематически вошедшего в золотой фонд российской литературной классики в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, пьесах Н. В. Гоголя, поэмах Н. А. Некрасова.

Литература, как зеркало русской действительности, по-прежнему демонстрировала миру алчное естество российского чиновничества.

Однако это были ещё цветочки. Настоящий расцвет массового мздоимства пришёлся на советский период. Поначалу молодое социалистическое государство рьяно взялось за искоренение буржуазного пережитка – взяточничества. Но использовало при этом те же средства, что и их незадачливые предшественники, – командно-административные методы. Новоявленные чиновники пролетарского происхождения призваны были искоренять коррупцию в рядах старорежимных бюрократов. И делали они это, порою, с суровой простотой революционного сознания, а именно, ставили к стенке пойманных с поличным мздоимцев. Однако с приходом мирного времени, суровость нравов пошла на убыль, а вместе с нею – и неподкупность вчерашних революционеров, постепенно пригревшихся в тёплых чиновничьих креслах. Высшие партийные иерархи могли позволить себе не думать о мелких бытовых проблемах, поскольку состояли на полном государственном обеспечении. А вот рядовые *винтики* и *шестерёнки* созданной большевиками огромной административной машины должны были сами заботиться о достойном материальном снабжении своих чад, жён и любовниц. Низкая эффективность и нечуткость социалистической экономики к потребностям потребительского рынка делали заботы о хлебе насущном постоянной и трудно разрешимой проблемой не только для простых граждан, но и для государственных служащих. Отчасти эту задачу решали специальные магазины-распределители, где некоторым категориям партийных и советских чиновников за бесценок продавались дефицитные материальные блага. Однако основная масса советского чиновничества пребывала *в чёрном теле*. А государственных служащих становилось всё больше и больше. Это было обусловлено самой природой социализма в ленинско-сталинской, да и в

хрущёвско-брежневской редакциях, опиравшихся на государственную собственность средств производства. Роль и влияние государства в советском обществе постоянно увеличивались, проникая во все сферы жизнедеятельности гражданского общества, включая науку, культуру, спорт даже частную жизнь людей. Государственный аппарат неудержимо разрастался функционально и количественно. Вместе с ним росли и социальные болезни, характерные для бюрократии, среди которых наиболее опасной, конечно же, была коррупция в форме взяточничества.

В итоге, тотально бюрократизированное социалистическое государство породило систему столь же всеобщего бытового взяточничества. Питательной почвой для массового мздоимства в советский период стал дефицит почти всех товаров повседневного спроса, включая продукты питания. Было бы заманчиво увидеть в существовании беспросветного на протяжении всей советской истории дефицита проявление целенаправленной сознательной воли бюрократического класса. Однако, скорее всего, причиной дефицита стала банальная бестолковость чиновничества как такового, неспособного организовать сложную жизнь большого общественного организма. А как же ещё можно истолковать интеллектуальные и организационные способности социального слоя, утратившего власть в стране в условиях мирного времени при отсутствии сколько-нибудь заметных природных или политических катаклизмов? Но вернёмся к ситуации дефицита во времена СССР. Иностранцев поражал советский потребительский парадокс: прилавки магазинов были пусты, а холодильники граждан – полны. Чужаки не могли понять, откуда советские люди берут продукты, если их нет в торговой сети. А они их *доставали!* Существовал такой термин, понять который дети рыночной экономики не в состоянии. *Достать* – означало воспользоваться неформальными связями, неважно были ли это родственные, дружеские или взаимно обязывающие

партнёрские отношения, для приобретения *из-под полы* необходимой вещи, услуги или статуса, доступ к которым официально был затруднён. То есть товары и услуги формально отсутствовали в продаже, однако для *своих людей* за определённую мзду они исправно поставлялись. *Доставали* в те времена всё, начиная с банки индийского кофе и кончая билетом на *Лебединое озеро* или местом в престижном вузе. Другим расхожим понятием эпохи дефицита был *блат*. Блат был основным средством решения проблемы дефицита. Блатом называли особые отношения между родственниками, друзьями и просто хорошими знакомыми, которые обязывали их на компенсаторной основе помогать друг другу в приобретении дефицитных товаров, услуг или статусов. Коррупционная природа *блата* достаточно очевидна для того, чтобы не останавливаться на нём более подробно. Следует сказать лишь то, что блат почти полностью подменил собою товарно-денежную систему в советском обществе, переводя товарный обмен из режима деперсонифицированных официальных отношений в формат межличностных вещных связей на обоюдно компенсационной основе. В этих взаимных расчетах участников *блатных* обменных операций активно использовались ресурсы государственных предприятий, учреждений и организаций, на которых работали практически все трудоспособные граждане советской страны. Всё это представляло собой широчайшую социальную базу для тотальной коррупции почти всех сфер жизнедеятельности советского общества. Исключение могли составлять разве что те отрасли народного хозяйства, которые были строго ориентированы на конкретные результаты: космос, КГБ, некоторые звенья военно-промышленного комплекса.

Честные граждане, не желающие участвовать в вынужденном тотальном мздоимстве, конечно же, в советской стране были. Однако очень сомнительно, чтобы кто бы то ни было смог избежать

практики неофициальных льгот, основанных на родственных, приятельских или корпоративных отношениях при решении самых простых бытовых проблем. Там же, где эти льготы были официальными, например, спецполиклиники, спецмагазины или спецсанатории, речь может идти о системной коррупции, закрепившей привилегии всей партийно-советской номенклатуры как отдельного сословия.

При рассмотрении особенностей коррупционной практики в советский период важно понять, что функционально специализированные государственные служащие из различных социальных институтов дополняли друг друга на мздоимной основе. Так, например, товаровед, распоряжавшийся государственными торговыми ресурсами, пользовался ими для получения в обход легального конкурса места в вузе для своего отпрыска. А преподаватели государственных вузов, спекулируя своими полномочиями в приёмной комиссии или на экзамене, обеспечивали себя посредством студенческой mzды дефицитными продуктами питания. А обе эти категории работников использовали своё общественное положение для того, чтобы получить лечение вне очереди, отблагодарив медицинского работника числящимся за ними государственными благами. Ясно, что сфера «блата» высокопоставленного чиновника, в особенности, принадлежавшего к партийной иерархии, была неизмеримо большей, чем у рядового товароведа, преподавателя или врача. В итоге каждый функционер гигантской государственной машины фактически эксплуатировал в личных целях тот «винтик» бюрократического механизма, который он персонифицировал. Учитывая тот факт, что практически все сферы общественной жизнедеятельности были почти полностью огосударствленными, в практику кругового мздоимства оказалось вовлечённым большинство взрослого населения Советского Союза. Правда, формы и размеры бытовой mzды чаще всего были весьма

непритязательными. Денежные знаки граждане использовать в качестве мзды избегали. Во-первых, потому что радужные купюры и в те времена ассоциировались с взяткой, криминальный риск которой оставался высоким. А во-вторых, деньги ещё нужно было *отovarивать*, что представляло собой по причине всеобщего дефицита особую проблему. Поэтому обычно *нужному человеку* приносили спиртные напитки, продукты питания и книги. Впрочем, каждый гражданин использовал для расчётов за блат то, чем распоряжался по долгу службы, по сути, приватизировав ту часть государственного механизма, функцию которой он отправлял. Ясно, что в различных слоях советского общества размеры и материальные формы мзды были различными. Если социальные *низы* обходились водкой и продуктами питания, а интеллигенция – книгами, то элита советского общества коллекционировала картины и бриллианты. Бытовое мздоимство служило социальной базой для распространения криминальной формы взяточничества – лихоимства. Закрытый характер социалистического строя долгое время позволял скрывать даже от собственных граждан истинные масштабы коррупции во всех слоях советского общества. Некоторые наиболее одиозные фигуры взяточников стали появляться на всеобщее обозрение в средствах массовой информации лишь в условиях провозглашённой М.С.Горбачёвым в середине 80-х годов гласности как рупора перестройки. Однако это были лишь небольшие проявления ржавчины глубинной коррупционной коррозии, разъедавшей изнутри все поры советского общественного организма.

Массовое мздоимство во всех слоях советского общества не могло не сказаться губительным образом на природе и судьбе самого социалистического строя. Широкая социальная практика бытового и криминального взяточничества приносила элемент личной заинтересованности и внутренней мотивации в социальное

поведение людей, включённых в систему деперсонифицированных формальных отношений тоталитарного государства. Социальная плоть прорастала сквозь холодные остовы государственной машины спорами мздоимства, в конце концов, разъевшими его несущие конструкции. Чем шире распространялась в советском обществе практика мздоимства, тем больше сбоек стал давать государственный механизм, поскольку взяточничество существенным образом деформирует управленческие импульсы, снижая их эффективность, а также искажает сигналы «обратной связи», позволяющие политической элите адекватно оценивать реальное положение вещей в стране. Механизм тоталитарного государства, поражённый всеобщим мздоимством, перестал правильно реагировать на изменяющуюся внутреннюю и международную ситуацию и рухнул буквально на ровном месте, без каких бы то ни было серьёзных внешних воздействий на него. Ссылки на фатальные последствия афганской войны для страны, выдержавшей атаку германского фашизма, выглядят смешными. Действительные причины развала великой страны, следует искать внутри самой советской системы. Одной из таких причин стала безысходная продажность большинства *шестерёнок* и *винтиков* тоталитарной государственной машины социалистического общества. Коррупционная ржа разъела советский строй и стала одним из гвоздей в его гробу.

Появившиеся на развалинах Советского Союза независимые государства встали на путь рыночных отношений. В их числе была и Беларусь. Она унаследовала от СССР не только экономические активы, но и все его социальные болезни, в том числе и коррумпированное чиновничество. Справедливости ради следует сказать, что Беларусь всегда имела репутацию самой «чистой», с точки зрения взяточничества, республики Советского Союза. Впрочем, эту репутацию относительной коррупционной невинности

в условиях рыночной вседозволенности начала 90-х годов она берегла недолго. К сожалению, наша страна в рейтинге Международной организации Transparency International занимает отнюдь не почётное место. Например, в 2009 году международные эксперты отвели Беларуси только 139 место. Репутация наших западных соседей оказалась намного лучше: Латвия заняла 56 строчку в рейтинге, Литва – 52, а Польша – 49 место. Вряд ли повысит нашу самооценку тот факт, что у наших восточных соседей дела с коррупцией обстоят ещё хуже: Россия и Украина оказались на 146 месте.

Соблазны свободного рынка, помноженные на монопольные возможности сохранившейся от СССР административно-командной системы, смели все моральные и правовые барьеры на пути чиновничества к накоплению первоначального капитала. Особенно рьяно этот процесс пошёл в России, где общенародная социалистическая собственность была буквально растащена вчерашними *слугами народа*. В Беларуси государство даже в период *бурных 90-х* не выпустило из своих рук экономику в свободное рыночное плавание, оставив основные средства производства под контролем руководства страны. Белорусское чиновничество, в отличие от российского, не трансформировалось в олигархат, посягающий на политическую власть. Служилый люд остался всего лишь инструментом в руках политического руководства. У отечественной бюрократии лишь поменялся сюзерен. Если раньше это была коммунистическая партия, то ныне чиновничество полностью подчиняется президентской вертикали. Однако роль и значение государственных служащих в жизни белорусского общества принципиальным образом не изменились. Чиновничество по-прежнему остаётся самым влиятельным после политического руководства страны социальным слоем в Беларуси. Государственно-административный аппарат по-прежнему контролирует львиную

долю экономики страны, всю жилищно-коммунальную систему, образование и здравоохранение, спорт, науку и культуру. В нашей, относительно небольшой, стране ныне функционируют 25 министерств, а также обладающие правами министерств 9 государственных комитетов и 6 концернов, в России, превосходящей Беларусь по территории в 81,3 раза, а по численности населения почти в 14,5 раз, учреждено всего 16 федеральных министерств. В Польше, с населением, почти в четыре раза превышающим белорусское, их всего 15. В соседней Литве о 3,4 миллионном народе заботятся лишь 13 министерств. А в Швеции, сопоставимой с нашей страной по численности населения, а по площади в два раза большей, насчитывается только 12 министерств. Причём управляют немногочисленные шведские министерства своей страной настолько эффективнее белорусских чиновников, насколько выше уровень жизни у тамошних шведов по сравнению с нашими соотечественниками. Выходит, счастье народа отнюдь не в большом количестве начальников, якобы пекущихся о благосостоянии людей. Скорее, наоборот: чем меньше чиновников в той или иной стране, тем лучше живёт её народ. А чем меньше чиновников и, соответственно, чем меньше у них полномочий, тем ниже коррупционные риски. Тесная взаимосвязь между уровнем коррупции и благосостоянием граждан настолько очевидна, что не требует особых доказательств. Достаточно сопоставить место страны в коррупционном рейтинге с её индексом развития человеческого потенциала. Поэтому противодействие коррупции является одним из важнейших условий процветания страны и её населения.

Summary

What we today call bribery, long enough in human history represents one of the main ways people interact. In pre-statist era exchange of gifts in any combination: the gift the gift or a gift for the service, for the gift of obedience or protection, for the desired action or inaction was beneficial relationship between people are compensated. Even the gods of our ancestors, for that matter, and our faithful contemporaries have done and continue to make offerings, anticipating them their request for forgiveness or beneficence. Such compensatory exchange of gifts between individuals and entire nations was a way to organize and was the pillar of the model of non-market economy and the social interaction of primitive society. Gifts fastened kinship relations, brotherhood, vassalage and domination. And vassal, bringing gifts to his master as a sign of devotion, could count on responses gifts, sometimes in excess of material value to their offerings, as was the case, for example, in ancient China. Often the gift largely characterized not so much by the person to whom he raised as generosity and nobility of the donor.

- [1] Крамер, С. Н. 1991. *История начинается в Шумере*. 2-е изд., измен. Пер. с англ. Ф.Л.Мендельсона. Предисл., пер. шумерских поэтических текстов и коммент. В.К.Афанасьевой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- [2] *Русский фольклор* / Сост. и примеч. В.Аникина. – М.: Худож. лит., 1985.
- [3] Даль, В. 1989-1991. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. Т. 1.
- [4] Куракин, А.В. 2002. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. № 9.
- [5] Демидова, Н.Ф. 1987. *Служила бюрократия в России и её роль в формировании абсолютизма*.
- [6] *Псковская Судная грамота* // Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. М., 1984. Цит. по: Куракин А.В. Административно-

- правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность). // Государство и право. 2002. № 9. С. 35-48.
- [7] Куракин, А.В. 2002. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. № 9.
- [8] *Полное собрание законодательства Российской Империи*. Т. V. № 2726. Цит. по: Куракин, А.В. 2002. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. № 9.
- [9] *Чистые руки*. 1999. № 2. С. 42. Цит. по: Куракин, А.В. 2002. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. 2002. № 9.
- [10] Мельников, В.П., Нечипоренко, В.С. 2000. *Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность*. Ч. I. М. Цит. по: Куракин А.В. *Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность)*. // Государство и право. 2002. № 9.